

Е. А. Пивнева

**«ИЗ-ЗА ЧЕГО МЫ ТОЛЬКО НИ НАСТРАДАЛИСЬ...»:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ
СИБИРСКИХ АБОРИГЕНОВ***

АННОТАЦИЯ. Предпринята попытка взглянуть на этническое самосознание сибирских аборигенов сквозь призму их личностных суждений, эмоций и ощущений. С последними зачастую сталкивается каждый этнограф, но они, как правило, остаются на полях экспедиционных дневников, редко становясь самостоятельным предметом изучения. Источником информации послужили собранные автором в ходе полевых исследований в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре в 2010 и 2012 гг. интервью, содержащие жизнеописания хантов и манси разных поколений. Рассматривается имеющая отношение к этничности эмоциональная составляющая этих жизненных историй, выявляются социальные детерминанты личностного этнического самосознания. Особое внимание уделяется стигматизации, которая в форме навешиваемого «ярлыка» оказывает большое влияние на самосознание сибирских аборигенов и способна вызывать их девиантное поведение. В заключение делается вывод о том, что имеющие отношение к этничности личностные эмоциональные ощущения можно понять лишь в соотнесении с общей системой ценностей этнического сообщества, которая, в свою очередь, зависит от образа жизни, а также от конкретных социально-политических условий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сибирские аборигены, этническая идентичность, жизненные истории, эмоции, ощущения, стигматизация, аборигенная политика

УДК 39(571.51)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-74-80

ПИВНЕВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА — к.и.н., заведующая отделом Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Россия, Москва)

E-mail: pivnel@mail.ru

* Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Арктика — научные основы технологий освоения, сохранения и развития», проект «Качество и стили жизни коренных народов Арктики в условиях социальных трансформаций» (рук. В. А. Тишков).

В фокусе внимания статьи — чувства, эмоции и ощущения сибирских аборигенов, связанные с этничностью. Особое внимание уделено стигматизации, которая в форме навешиваемого «ярлыка» оказывает большое влияние на этническое самосознание. В этом контексте научный и практический интерес представляют следующие вопросы: что может стать причиной стигматизации? Как стигматизированные люди воспринимают себя и свою этническую идентичность? Какие опасности подстерегают их в социальном взаимодействии? В качестве метода применен анализ полученных в ходе полевых исследований жизненных историй хантов и манси разных поколений. Эти материалы содержат пласт информации, позволяющий на личностных примерах проследить влияние различных (в том числе социально-политических) факторов на формирование этнического самосознания и восприятие своей культуры.

Что может стать поводом к осознанию себя представителем той или иной этнической общности? Для выявления исходных моментов в беседах со своими информантами я задавала вопросы: «Когда Вы впервые задумались о своей этнической принадлежности (национальности)? Что послужило причиной?» Ответы показали, что такое самоощущение может появиться у конкретного человека в любом возрасте, под влиянием самых разных факторов. Однако среди респондентов старшего и среднего поколений (условно 1940–1970-х г. г.) осознание этнической идентичности зачастую связано с негативными эмоциональными переживаниями, которые люди испытали в процессе межэтнической коммуникации. Для иллюстрации можно предложить небольшую сводку из высказываний респондентов на эту тему: «Мне кажется, что я всегда знала, что я ханты. По крайней мере, когда нас привезли в интернат, уж там мы никак не могли забыть об этом, поскольку нас называли хантюги, хантюры, хантыезы, узкоглазые». «Нас обсмеивали. Хантыйская одежда была одним из признаков дикости, первобытности. Это сейчас говорят: о-о-о, уникальная культура, да почему вы не носите свою одежду? А мы из-за своей одежды пострадались. Мы и из-за разреза глаз, из-за чего только мы ни пострадались!» «Конечно, мы были жутко закомплексованы. Мы стыдились, что мы ханты. Нам даже казалось проклятием, что мы ханты — и в детстве, и в юности, и в молодости» (ПМА 2012).

Целый спектр эмоционально окрашенных воспоминаний связан с жизнью в интернате. Это возмущение и даже негодование по поводу некоторых порядков, идущих вразрез с традиционным пониманием: «...эта жуткая, ужасная зарядка, когда нас всех утром выгоняли в холодный коридор. Холодно было, ужас, и заставляли делать резкие движения <...> Какое насилие над нашими детскими организмами совершали! Я ненавидела эту зарядку. А еще какой был принципиальный момент. Нас заставляли при мальчиках ноги задирать, корпусом какие-то движения делать, с нашей хантыйской точки зрения — абсолютно неприличные движения». В том же ряду — воспоминания о том, как девочкам стригли косы и брили головы, как строем водили в баню и т. п. (ПМА 2012). Это также протестные чувства по поводу стандартизации повседневной жизни: «А у нас в интернате <...> закупают партию одинаковой одежды. Я помню, какую-то зиму купили куртки. меховые куртки, крытые, такой болотной расцветки. Они теплые были, ниже колена. Хорошие были, добротные, теплые. Я категорически отказалась. Не стала брать эту куртку. Потому что невозможно было. Как в концлагере, все одинаково одетые. Я ходила в драповом пальтишке, мерзла, но не одела эту куртку, ни за что!» (ПМА 2012).

Но, пожалуй, чаще всего в воспоминаниях присутствует обида, вызванная запретом разговаривать на родном языке: «Я в интернате не была, но могу сказать мамино мнение: самое главное, что ее там обидело, что им запрещали на родном языке говорить, и оскорбляли их за то, что они это делали, а русского они тогда не знали» (ПМА 2010). Из другого воспоминания: «Нам категорически

запрещали говорить на родном языке, но мы все равно продолжали <...> Я даже помню такую сцену. Заведующая интерната нас в очередной раз застала, когда мы говорили на родном языке. Я помню, такой страх меня обуял, как будто мы что-то преступное делаем, и она нас застучала в очередной раз. Мы так замерли. Она стояла и молча на нас смотрела. Мне показалась эта пауза вечностью! В конце концов она выдохнула: «Сколько волка ни корми, его все равно в лес тянет!» Я была ребенком, но эти слова запомнились на всю жизнь. Это же характеризует отношение. И чего ради запрещали?» (ПМА 2012; см. также: Лярская 2003). Ощущение своей этничности через негативный опыт присуще и относительно молодым людям. Вот довольно характерное высказывание девушки 1986 г. р.: «Впервые задумалась о том, что я манси, наверное, в интернате. Когда учились, я почему-то стеснялась, что я манси. Дразнились, обзывались всяко-разно» (ПМА 2010).

Тема, связанная с пребыванием в интернатах, нашла отражение в литературных текстах писателей Севера. «Когда меня первый раз забирали в интернат, — вспоминал Е. Д. Айпин, — я буквально рыдал. Мы жили в юртах на берегу Агана, до ближайшего поселка Варьёган от нас было километров шестьдесят. Я не представлял, как смогу до зимы прожить без матери, отца и крестного. Говорить на родном языке нам в интернате не разрешали. Если у кого хоть слово невзначай вырывалось хантыйское, ребенка ставили в угол. Оленя мы видели только на картинках. Когда на каникулы я возвращался в наши юрты, то целую неделю вспоминал, как правильно ставить снасти. Кому от такой учебы польза была?» (Огрызко: 1998: 240–241). Литературное творчество этого известного хантыйского прозаика — «попытка с помощью слова, художественными средствами помочь своему народу преодолеть чувство этнической неполноценности» (Ершов 2015: 174).

Следует заметить, что эти сюжеты стали предметом внимания еще в советской этнографии (в основном они рассматривались в контексте изучения межэтнических отношений). Например, А. В. Смоляк писала в 1981 г.: «Установился определенный тон, которым говорят об этих народах, — насмешливо-презрительный, чаще всего свойственный жителям городов, от работников самых “высоких” учреждений (крайисполком, крайком ВЛКСМ) до рядовых жителей. Этот тон звучит в разговорах об этих народах, в личных же взаимоотношениях он проявляется реже. Молодежь из народов Севера особенно ранимая, постоянно слышит в городе насмешливые клички в свой адрес. Русские всегда противопоставляют себя и “их”, об их культуре, обычаях рассказывают удивительные небылицы, всевозможные анекдоты. В русских селах, где появляется человек из народов Севера, его сопровождают крики ребят, дразнящих этого человека за то, что он нанаец или ульч. Это старые клички, существовавшие еще до революции» (Смоляк 2006: 176–177). Причины такого отношения некоторые исследователи видели в истории русско-аборигенных взаимоотношений, противопоставлении «своих» и «других». В прошлом эта «другость» заключалась, в частности, в вопросах веры. Именно оттуда отношение к ним как к «нехристям», знающим с нечистой силой», а также в другом, особом, образе жизни (Смоляк 2006: 177). Сами ханты и манси тоже рассуждают на подобные темы: «Это идет, наверное, с тех далеких прошлых времен. Нас каким-то образом принизили. Читаешь исследователей — нас полудикарями называют. Пишут, что мы неотесанные, непричесанные, такие какие-то. Мы — какие есть, мы просто другие. У нас условия такие были. И с тех пор идет, что мы не такие» (ПМА 2010).

В советский период появились новые факторы предвзятого отношения к сибирским аборигенам. Эти народы существовали в атмосфере неприятия традиционного быта, поскольку он представлялся архаическим, не отвечающим новым идеалам и политическим предписаниям. Борьба с так называемыми пережитками (религиозным мировоззрением, культом, обрядами, в том числе праздниками) привела к нигилизму по отношению к этнической культуре, которая перестала

играть адаптирующую роль в аборигенных сообществах. Сгустки эмоций в связи с этнической идентичностью выявляются вокруг специфического социального статуса аборигенов: «В послевоенный период появились новые причины для недружественных отношений между народами Севера и инонациональным, пришлым населением. Это связано с правительственными льготами для народов Севера <...> Это главный “камень преткновения”» (Смоляк 2006: 178). Из полевых материалов: «Это знаете, когда стало происходить, недолюбливание что ли, когда националам стали выделять какие-то дотации, с 1994 г. примерно. В эти времена стали появляться дотации всякие, в аптеке, в больнице, лечение бесплатное, лекарства бесплатные. Вот это же стало сильно появляться. И поэтому стало появляться недолюбливание что ли. Я помню, когда приходили в класс и спрашивали, кто националы, мы готовы были под парту залезть» (ПМА 2010).

Что можно сказать об ответной реакции на такое отношение со стороны аборигенов? Как показывают полевые материалы, в советский период, в обстановке этнического дискомфорта, у многих их представителей сформировался комплекс этнической неполноценности. Например, по сведениям Е. П. Батьяновой, данные социологического исследования, проведенного в конце 1990-х гг. среди учащихся старших классов Бековской средней школы Беловского района Кемеровской области, показали, что все учащиеся-телеуты испытывали этот комплекс, а избавление от него многие из них интуитивно видели в ассимиляции (Батьянова 1997: 158). Стремление абстрагироваться от своей культуры, влиться в доминирующее большинство русскоязычного населения существовало и у представителей других сибирских народов, особенно у молодежи. В некоторых семьях старались намеренно не разговаривать с детьми на родном языке (хотя, конечно, существуют примеры и другого, бережного, отношения к своему языку и этническим традициям). Из заметок В. А. Туголукова, сделанных в 1981 г., о положении коренного населения реки Кур Хабаровского сельского района: «Одна молодая нанайка на мой вопрос, интересуется ли она историей своего народа, ответила отрицательно. Она объяснила это желанием поскорее раствориться в русскоязычной среде. Считает вредным предоставление нанайцам некоторых льгот, потому что русские их “упрекают” за это. Тем же она объясняет и общее стремление молодых нанайцев к овладению русским языком, к отказу от национальной культуры. Мотив: “Чтобы не тыкали пальцем”» (Туголуков 2006: 185–186). В результате утраты традиционных нравственных ценностей проявилась некая ущербность как в этническом самосознании, так и в психике, а это, в свою очередь, явилось одной из причин девиантного поведения, распространения массового алкоголизма (см.: Народы Советского Севера 1991: 258–259).

Феномен аккультурационного стресса достаточно хорошо описан в литературе. По утверждению философов, стресс модернизации испытывает на себе в первую очередь наиболее образованная часть общества: «Подобное сознание поначалу — отнюдь не массовое. Им проникается не народ, живущий в традиционном обществе вне исторического времени, а образованная элита, обладающая более широким кругозором и способностью сравнивать, сопоставлять между собой разные культурные миры. То, что представлялось ей ранее нормальным и привычным, вдруг начинает восприниматься как архаическое и устаревшее, как нечто аномальное и даже постыдное, недостойное человека. Отсюда настойчивое желание сменить свою идентичность, уподобиться тем, кто служит для нее образцом. Свою миссию эта элита <...> видит в том, чтобы внедрить в сознание масс новую идентичность, как правило, заимствованную извне» (Межуев 2005: 312).

Л. В. Алексеева, изучавшая процесс советской модернизации на Обь-Иртышском Севере, пришла к аналогичным выводам: «Приобщение представителей коренных народов к просвещению и усвоение частью аборигенной “интеллигенции” начал европейской образованности и культуры не

могли в условиях национального неравенства избавить их от статуса “нацмен”. Власть рассматривала аборигенов как людей, стоящих ниже по своему положению и развитию по отношению к другим народам региона, и в силу этого относилась к ним снисходительно». Далее она пишет об очевидности драмы людей, отчасти оторвавшихся от собственных традиций: «Аборигены постепенно осваивали новые вкусы, взгляды, мораль, склад ума. Все это вступало в сложное взаимодействие с этническими принципами, которые они усваивали с детства и которые сохранялись среди их родичей, а также господствовали в их окружении» (Алексеева 2005: 39–40).

Такие попытки уподобиться соседней группе, чья культура кажется более привлекательной, чем собственная, отказаться от своего культурного наследия, считая его менее значимым, называют иногда «этнической мимикрией». По мнению психологов, «добровольная ассимиляция, цель которой выжить среди “других”, — это стремление психологически защититься от возможной агрессии путем вхождения в более массовое и сильное “мы”, тем самым усиливая его позитивный образ» (Лебедева 1993: 8). А вот как объясняют свое поведение аборигены: «Уже когда мы учились в интернате, мы подспудно понимали: чтобы нам выжить в этом мире, мы будем выживать через русский язык, через овладение какой-либо профессией, но уж никак не возвращением в свой колхоз, работая дояркой там или скотницей <...> ведь иных вариантов нам не предлагалось. Это сейчас пооткрывали музеи, центры ремесел, праздники проводят. А тогда всего этого не было. Кому оно надо было? Поэтому ты четко понимал, в каком направлении тебе придется идти» (ПМА 2012). Таким образом, психологические установки на ассимиляцию были вызваны во многом ошибками этнической политики, поощрявшей «естественную» ассимиляцию.

В постсоветский период наметилась качественно новая социальная тенденция: от стремлений к ассоциации с культурой большинства к стратегии поддержания этнокультурной границы. Создание центров национальных культур, этнографических музеев, проведение фестивалей ремесел, финно-угорской культуры — все это оказало большое позитивное влияние и на этническое самосознание сибирских аборигенов, и на отношение к ним пришлового населения. Более того, по мнению некоторых исследователей, одной из последних стратегий этнических меньшинств становятся символические инверсии, в процессе которых стигма оборачивается «позитивной ценностью», предметом гордости и таким образом дестигматизируется (Куропятник 2002: 161–173). В то же время публичные средства представления этнической культуры (разного рода репрезентации) могут не соответствовать повседневным нормам поведения, регулирующим общепринятые модели отношения к культурным артефактам. Это также зачастую вызывает эмоциональную напряженность: «У меня вообще порой возникает ощущение, что нас вот-вот всех посадят в клетки и за деньги будут демонстрировать. Потому что уже такой нездоровый интерес культивируется к остаткам нашей культуры! Нездоровый финансовый, коммерческий интерес. То есть нас постепенно превращают в турпродукт <...> Жуткая эксплуатация этнической культуры!» (ПМА 2012).

В итоге следует заметить, что связанные с этничностью личностные эмоциональные ощущения можно понять лишь в соотнесении с общей системой ценностей этнического сообщества, которая, в свою очередь, зависит от образа жизни, а также от конкретных социально-политических условий. Дальнейшая разработка проблем этнического самосознания под этим углом зрения позволит по-новому взглянуть на перспективы исследований этнической идентичности, межкультурных отношений и поведения людей в культуре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2010; 2012. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра.

Алексеева Л. В. О некоторых результатах изучения Обь-Иртышского Севера 1917–1941 гг. (к вопросу о советской модернизации в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах) // Современное состояние и перспективы развития этнографических музеев Ханты-Мансийского автономного округа в новом тысячелетии: материалы окружной науч. конф. 29 ноября — 2 декабря 2004 г. Ханты-Мансийск, 2005. С. 33–42.

Батьянова Е. П. Метаморфозы этнической самоидентификации // Этническая культура: проблема самосохранения в современном контексте (культурологические очерки). М.; Нальчик, 1997. С. 148–161.

Ершов М. Ф. Литературный текст как историко-этнографический источник: по материалам произведений писателей Югры, Урала и Южной Сибири. Ханты-Мансийск, 2015.

Куропятник М. С. От стигмы к самоутверждению: понятие «коренной народ» в современном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 1. С. 161–173.

Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.

Лярская Е. В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры (на примере ненцев Ямала): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.

Межуев В. М. Культура в контексте модернизации и глобализации // Теоретическая культурология. М.; Екатеринбург, 2005. С. 311–318.

Народы Советского Севера (1960–1980-е годы). М., 1991.

Огрызко В. В. Опыт для других. Заметки о прозе Еремея Айпина // Айпин Е. Д. У гаснущего очага: повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. Екатеринбург, 1998.

Смоляк А. В. О взаимоотношениях народов Севера и Сахалина Хабаровского края с окружающим населением. 1981 г. // Экологическая экспертиза. Народы Севера России. 1981–1984 годы. М., 2006. С. 176–180.

Туголуков В. А. О положении коренного населения р. Кур (Хабаровский сельский район). 1981 г. // Экологическая экспертиза. Народы Севера России. 1981–1984 годы. М., 2006. С. 181–186.

**“WHAT HAVEN’T WE BEEN THROUGH...”:
SOME ASPECTS OF THE ETHNIC IDENTITY
OF THE ABORIGINAL PEOPLES OF SIBERIA**

A B S T R A C T. The article attempts to look into the ethnic identities of the aboriginal peoples of Siberia from the perspective of their personal opinions, emotions and feelings. Every ethnologist faces similar issues, but they tend to remain sidelined in their field diaries and rarely become a separate research topic. The article is based on the life stories of Khanty and Mansi of different generations, who were interviewed by the author during her field studies. The study examines the ethnicity-related emotional component of these life stories and attempts to identify social determinants of personal ethnic identity. Special attention is paid to the stigmatization and labelling of the aboriginal peoples of Siberia, which seems to have a great impact on their self-identity and can cause deviant behavior. Finally, I argue that personal emotions can be understood only in correlation with the general system of values of an ethnic community, which, in turn, depends on the community’s lifestyle and its specific social and political circumstances.

KEYWORDS: aboriginal peoples of Siberia, ethnic identity, life stories, emotions, feelings, stigmatization, aboriginal policy

ELENA A. PIVNEVA— Candidate of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

E-mail: pivnel@mail.ru